

УДК 340.124

В.В. Оглезнев

ОТМЕНЯЕМОСТЬ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК: В ЗАЩИТУ Г.Л.А. ХАРТА*

Представлен анализ идеи отменяемости в контексте юридического языка, изложенной в статье Г.Л.А. Харта «Приписывание ответственности и прав». Рассмотрены критические концепции против отменяемости К. Черри и М. Бэйлза. Доказано, что экспликация идеи отменяемости в интерпретации Г.Л.А. Харта возможна в юридическом языке. Предложены два вида отменяемости – онтологическая и концептуальная отменяемость.

Ключевые слова: отменяемость, юридический язык, аналитическая философия права, правовые конструкции, Г.Л.А. Харт.

В 1949 г. Герберт Харт опубликовал свою первую научную статью, посвященную исследованию применения методологии аналитической философии языка в сфере права, под названием *The Ascription of Responsibility and Rights (Приписывание ответственности и прав)***. [1]. Эта работа вызвала острый интерес у англо-американских аналитических философов. И еще в течение многих лет этот труд вызывал бурные дискуссии, критические рецензии, обоснованные и необоснованные осуждения и одобрения. Тем не менее именно публикация *Приписывания ответственности и прав* прославила Харта в философской академической среде и обеспечила широкое обсуждение его философской концепции. Позднее Харт откажется от изложенной в этой статье идеи, посчитав ее ошибочной, и больше никогда к ней не возвратится (ни в виде упоминания, ни в виде цитирования). Однажды он даже признается: «В ней [в *Приписывании ответственности и прав*] были некоторые весьма интересные и верные мысли, но, думаю, были и определенные ошибки. Я утверждал, что суждение, что человек совершил действие, не является дескрипцией, а аскрипцией, скажем, в смысле способа утверждения его ответственности. Теперь я так не считаю» [2. С. 276]. Примечательно еще и то, что он не включит ее (хотя должен бы исходя из названия) в свой сборник *Punishment and Responsibility. Essays in Philosophy of Law*, отметив во введении, что основные положения этой статьи теперь не кажутся ему столь верными и очевидными и что большая часть критических замечаний, сделанных по ее поводу, оправдана и обоснована [3. С. 6].

Что стало истинной причиной отречения от не разработанной до конца концепции, к сожалению, неизвестно. Возможно, это – непримиримая критика [4–7], которая обрушилась на Харта со стороны, прежде всего, философов

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (№ 12-33-01380а2, № 13-33-01289а2) и Совета по грантам Президента РФ (№ МК-2149.2014.6).

** См. русский перевод: *Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав* (пер. с англ. В.В. Оглезнева) // Правоведение. 2010. № 5. С. 116–135. Здесь и далее цитируется русский перевод.

ского сообщества и которая вынудила его retirроваться, оставив оппонентов без комментариев и без повода для дальнейших дискуссий. Тем не менее идеи, представленные в *Приписывании ответственности и прав* (прежде всего, аскриптивность и отменяемость юридических понятий), определили основные векторы развития не только современной философии права, но и эпистемологии, философии языка и философии науки [8]. Кроме того, отдельные постулаты отстаиваемой Хартом идеи отменяемости придали новый импульс в развитии немонотонной логики и теории искусственного интеллекта [9].

Анализируя основания юридического языка, Харт пришел к выводу, что правовые понятия имеют, по меньшей мере, две характерные особенности, а именно, неопределенность [10, 11] и отменяемость (*defeasibility*). Несмотря на то, что эти свойства можно обнаружить и у неправовых понятий, для Харта они являются неотъемлемыми существенными элементами именно правовых понятий; правовые понятия приобретают эти свойства в результате своей реализации (конкретной юридической процедуры), которые, становясь имплицитными их характеристиками, и позволяют, в конечном счете, отличить правовые понятия от неправовых.

Идея отменяемости понятий, по мнению Харта, лучше всего иллюстрируется правовыми ситуациями. Общепринято понимать право как систему правовых понятий, таких как «договор», «причинение вреда» и др., установленных законодательным органом или другим источником и определенных настолько хорошо, что судья при принятии решения просто говорит «Да» или «Нет» применительно к вопросу, соответствуют ли факты содержанию правового предписания, определяющего необходимые и достаточные условия «договора», «причинения вреда». Подобное понимание искажает реальную правовую процедуру. Невозможно, считает Харт, дать определение или объяснить понятие «договор», например, определяя необходимые и достаточные условия его применения; это можно сделать, лишь перечисляя необходимые условия, учитывая имеющиеся исключения или отрицательные примеры, указывающие, где понятие не может быть применено, или может быть применено в более упрощенной форме [1. С. 121–122]. Отсылка к отменяемому аспекту действия есть отсылка к правилам, которые релевантны определенным видам поведения, поскольку понятие действия является социальным понятием и логически зависит от принятых правил поведения.

Такие высказывания, как «Это – мое», «Это – твое», «Это – его», «Это сделал я», «Это сделал он» и «Это сделал ты», обычно интерпретируются как дескриптивные или экспрессивные. Но подобная интерпретация искажает перформативную функцию этих высказываний. Если я говорю «Это – твое» о какой-то ценной вещи, то отнюдь не описываю некое положение дел, но приписываю определенные права на эту вещь; аналогично в судебном решении «Смит виновен в убийстве жены» наблюдается соединение конкретного эмпирического факта (например, того, что он дал жене смертельную дозу яда) и юридических последствий, вызванных этим фактом. «Твое» и «Не твое» не являются дескриптивными понятиями, которые могут быть отвергнуты, а не опровергнуты дополнительными фактами. Дать определение понятию «Твое» возможно лишь при учете его *отменяемого* характера, так как выражение «Это – твое» представляет собой смешение физического факта

твоего владения с приписыванием права, если только ты это не украл, или не сделал чего-то такого, что смогло бы поставить под сомнение твое владение. Рассмотрение отменяемого характера правовых понятий помогает объяснить, каким образом высказывания о фактах подтверждают или опровергают правовые выводы, и, тем самым, интерпретировать фразы, используемые юристами для связи между фактом и законом, когда они говорят о «правовом результате или последствиях фактов», «правовом заключении, выведенном из фактов» или о «последствиях, приписанных фактам» [1. С. 126]. Все юридические понятия, заключает Харт, непременно отменяемы; и попытка интерпретировать отменяемость просто как отсутствие определенных необходимых условий, т.е. интерпретировать все правовые высказывания как дескриптивные, неудачна потому, что она искажает логический характер способов защиты нарушенного или оспариваемого права.

Изложенная в довольно сжатой форме позиция Харта касательно отменяемости способствует формулировке двух ключевых тезисов, которые в рамках данного исследования имеют важное методологическое значение, поскольку позволяют не только выделить две разновидности отменяемости, но продемонстрировать при разборе отдельных критических аргументов оппонентов Харта пагубность их смешения.

1. Сказать «Это сделал он» (например, «Смит ее ударил» – пример Харта) – значит совершить, как минимум, два действия, а именно, (а) утверждать, что его тело совершило определенные физические движения, и (б) требовать привлечения его к ответственности (в форме наказания или порицания) за то, что он сделал. Если кто-то вдруг скажет «Смит ее ударил случайно», то, несмотря на наличие необходимых и достаточных условий совершения такого рода действий, как ударить кого-то, нельзя ссылаться ни на (а) ни на (б), поскольку в этом случае действие отменяемо. Иными словами, действие становится отменяемым, если имеются отменяемые условия типа «случайность», «принуждение», «неосторожность» и др., т.е. отменяется сам факт совершения определенного действия. Данный вид отменяемости условно можно назвать *онтологической отменяемостью*.

2. Такие понятия, как «(имеющий юридическую силу) договор», «причинение вреда», «ответственность», «умысел» и др., являются отменяемыми, потому что они не могут быть должным образом охарактеризованы без ссылки на условия, которые отменили бы их применимость. Невозможно дать определение или объяснить эти понятия, например, определяя необходимые и достаточные условия их применения; это можно сделать, лишь перечисляя необходимые условия, учитывая имеющиеся исключения или отрицательные примеры, указывающие, где понятия вообще не могут применяться или могут применяться в более упрощенной форме. Этот вид отменяемости мы обозначим как *концептуальная отменяемость*.

Действительно, идея отменяемости Харта вызвала огромный шквал критики, причем отдельные критические замечания были настолько серьезны, что Харт был вынужден отказаться от этого проекта. Но это только подстегнуло интерес к отменяемости как таковой и ее экспликации в различных типах дискурса. Мы же обратимся к анализу отдельных критических концеп-

ций, уже ставших «классическими», и рассмотрим, насколько они, действительно, *критичны* для идеи Харта.

Кристофер Черри в статье *The Limits of Defeasibility* [12] развивает два критических аргумента: 1) понятие действия не является отменяемым, т.е. утверждение, которое отменяет (уменьшает или смягчает) применение юридических понятий в конкретных ситуациях, ничего не говорит нам о самом понятии действия; 2) если бы понятие действия было отменяемым в том смысле, в котором отменяемыми является большинство юридических понятий, то понятия ответственности, используемого Хартом, и даже понятий ответственности и действий, которые мы используем в повседневной жизни, не существовало бы.

По мнению Черри, основным условием нашего использования понятия ответственности, с которым мы часто сталкиваемся, является то, что по отношению к юридическим понятиям оно должно отличаться от того, как оно применяется к неюридическим понятиям действия. Наше основное понимание ответственности предполагает, что правильное утверждение, что *X* совершил нечто случайно, по принуждению и т.д., не отменяет и ни в коей мере не влияет на обоснованность замены *X* на любое неюридическое понятие действия [12. С. 101]. Черри считает, что необходимо различать отменяемое выражение «Не подтверждено, что “*A* совершил *X*»» и выражение «Верно, что “*A* совершил *X* определенным способом *M*»». То есть «утверждать, что *A* совершил *X* безответственно, где *X* – юридическое понятие, значит отменить утверждение, что на самом деле это было *X*, которое *A* совершил. Напротив, утверждать, что *A* совершил *X* безответственно, где *X* – неюридическое понятие, не предполагает того, что имело место нечто иное, чем *X*, которое *A* совершил» [12. С. 104]. Иными словами, «то, что *A* совершил *X* случайно ... предполагает, что *A* совершил *X*» [12. С. 106].

Для подтверждения своей мысли Черри предлагает рассмотреть специфический пример, связанный с употреблением понятия «играть в шахматы». Игра в шахматы является той игрой, в которой едва ли что-то можно сделать случайно (нельзя сказать «Он играет в шахматы неосознанно»), однако нет ничего странного, по мнению Черри, в утверждении «Он играет в шахматы, но вынуждает его это делать направленное на него дуло пистолета». Вообще у факта, что кто-то вынужден выполнить действие (в неюридическом смысле), нет ни малейшей возможности «смягчить или уменьшить обвинение» за то, что он выполняет некое действие. А поскольку определенные глаголы, индексирующие действие (как «играть в шахматы»), не могут быть видоизменены, поэтому их нельзя путать с отменяемостью. Утверждение «*A* играет в шахматы неосознанно» звучит (и выглядит) странно не потому, что наречие отменяет (или уменьшает) утверждение, сделанное на основе наблюдаемых фактов, что *A*, действительно, играет в шахматы, но скорее потому, что вероятность того, что у нас могла бы появиться хоть какая-то серьезная причина совместного применения глагола и наречия, исключительно мала. Этот случай отличается от утверждений вроде «Он заключил договор неосознанно», где совершенно отчетливо проявляется механизм отменяемости, так как довольно часто для этого есть необходимая причина [12. С. 103]. То есть Черри

хочет показать, что невозможно использовать глагол, который указывает на совершение действия, совместно с наречием, отменяющим это действие.

Харт же, напротив, придерживается точки зрения, что между высказываниями «А совершил X определенным способом М» и «А совершил X» есть определенная аналогия. Например, если под X понимать «играть в шахматы», а под М – «под дулом пистолета», то между формами этих предложений можно установить некоторое сходство, по крайней мере, по фактическому содержанию. Харт допустил бы употребление высказывания «Он сыграл в шахматы» одновременно с «Он сыграл в шахматы под дулом пистолета». Отменяемость этих выражений связана не с приписыванием действий (играть в шахматы), но с приписыванием ответственности (за игру в шахматы). Выражение «Он ее ударил», по Харту, одновременно и приписывает ответственность и описывает некий акт, но не совмещает их («Он ее ударил случайно»). Черри не придает особого значения этому факту; и как результат подобного игнорирования – неправильная интерпретация концепции Харта и выдвижение некорректных выводов. Черри отмечает, что пример Харта с «убийством», иллюстрирующий отменяемый характер юридических терминов, неубедителен, ибо убийство (равно как и глагол «убивать» («to murder»)) не является разновидностью тех действий, что могут быть совершены случайно, но при этом оставаться убийством [12. С. 104]. Здесь Черри пытается показать различие между глаголами «to kill» и «to murder», первый из которых является примером слова обыденного языка, а второй – примером юридического языка. По мнению Черри, недостатком примеров Харта, содержащих глагол «to murder», как раз и является то, что они имеют техническое употребление. Схожую мысль мы находим у Джорджа Питчера; он называет эти глаголы «condemnatory verbs» (осуждающие или обвиняющие), к ним относятся: «to murder», «to lie», «to steal», «to cheat». Для этих глаголов он устанавливает соответствующие «ближайшие эквиваленты»: «to kill», «to tell a falsehood», «to take», «to misplay» [5. С. 230–231].

Но отменяемость для Харта важна и необходима, поскольку, например, «ссылка на “провокацию” в делах об убийстве в случае успеха “сводит” то, что в противном случае было бы убийством, к непредумышленному убийству» [1. С. 121]. Кроме того, пишет Харт, «обычный человек, не юрист, мог бы сказать, что в этих случаях движения лица были “ненамеренными” или “не управлялись им” и что если бы мы называли эти движения “действиями”, то лишь в минимально возможном из всех смыслов этого широко используемого слова, т.е. в том смысле, в котором оно охватывает все, что можно сказать, соединяя глагол с одушевленным подлежащим. Не считая этого по сути всеохватывающего смысла, для простого человека, как и для юриста, было бы важным отграничивать скатывание с лестницы от схождения по лестнице вниз как что-то, что “на самом деле” вовсе не является действием» [13. С. 92].

Хартовская идея отменяемого характера правовых понятий (выражений) также ставится под сомнение Майклом Бэйлзом в монографии *Hart's Legal Philosophy: An Examination* [14]. Бэйлз пишет: «Хотя он [Харт] отказался переиздать статью [*Приписывание ответственности и прав*], поскольку “основные ее положения больше не кажутся... верными”, тем не менее неясно, отказался ли он

собственно от анализа отменяемых понятий в пользу идеи, что человеческое действие есть приписывание подобного понятия» [14. С. 12].

Весьма сомнительным выглядело бы утверждение, что Харт отказался от идеи отменяемости. И вот почему: «Большинство психологических условий... признаются с точки зрения права важными, но не в качестве *оправдывающих* условий, но условий *признания недействительным*. Таким образом, завещание, дарение, брак и (подвергающийся многим исключениям) договор могут быть признаны недействительными, если заинтересованная сторона была признана невменяемой, заблуждалась относительно юридического характера договора или относительно некоторого “существенного” его условия, или если она была подвергнута насилию, принуждению или была введена в заблуждение другой стороной. В уголовном праве есть очевидные аналоги ошибки, несчастного случая, принуждения, насилия, невменяемости, которые допускаются в качестве оправдывающих условий» [15. С. 87].

Харт призывает «обратить внимание на аналогию между условиями, которые принимаются уголовным правом в качестве *оправдывающих*, и схожими с ними условиями, которые в другой отрасли права считаются *признающими недействительность* определенных гражданских правоотношений, таких как завещание, дарение, договор и брак» [15. С. 83]. Эти рассуждения Харта, изложенные в более поздней работе, нежели *Приписывание ответственности и прав*, свидетельствуют о том, что хотя он и не употребляет термин «отменяемые условия», но использует вместо него – «условия, признающие недействительность» (т.е. условия, лишаящие нечто юридической силы). Отстаиваемая Хартом идея, что «рассмотрение отменяемого характера правовых понятий... показывает, насколько ошибочно было бы впасть в искушение отождествить значение правового понятия, скажем, “договора”, с высказыванием условий, при которых договоры имеют силу, поскольку, благодаря отменяемому характеру этого понятия, такое высказывание, хотя оно и выражало бы необходимые, а, иногда, и достаточные условия применения “договора”, не могло бы выражать условия, которые достаточны всегда» [1. С. 126], превращается в утверждение, что оправдывающие (освобождающие от ответственности) условия, присутствующие в уголовном праве, во многих отношениях схожи с условиями, признающими недействительность (лишающими юридической силы), присутствующими в гражданском праве. Прежде неделимое понятие «defeating» начинает им рассматриваться как состоящее из «excusing» (касательно ответственности, наказания и проч.) и «invalidating» (касательно договоров, завещаний, браков и проч.).

Бэйлз, интерпретируя Харта, отмечает, что для определения (в том числе отменяемых) понятий можно было получить логическую форму необходимых и достаточных условий, преобразуя условие «unless» в отрицательную дизъюнкцию. Но чтобы избежать этого преобразования, следует различать положительные и отрицательные условия. По его мнению, такое различие вполне оправдано. Поскольку ответ на вопрос – является ли отсутствие возражений о невменяемости отрицательным условием? – показывает, что отсутствие возражений, по-видимому, есть положительное условие [14. С. 12]. Но ведь Харт определенно говорит, что «даже если бы эта программа была осуществлена для возражений, включающих “ментальный” элемент, трудно

видеть, как ее можно реализовать в отношении других возражений, с помощью которых можно было бы оспорить пункты договора, а, соответственно, отменяемый характер все еще сохранялся бы» [1. С. 124].

Утверждая, что этот ход рассуждений Харта покоится на развиваемой им идее об «открытой текстуре языка», Бэйлз заключает, что, «поскольку все понятия имеют открытую текстуру, это не может служить основанием для выделения специального класса отменяемых понятий» [14. С. 13]. Харт утверждает, что правовым понятиям присуще «ядро» (*core*) и «полутень» (*penumbra*) значения, т.е. набор как очевидных, центральных, так и неясных, пограничных, маргинальных случаев употребления [16]. Или «в ситуации со всем, что мы готовы назвать правилом, можно различить ясные основные случаи, когда оно явно применимо, и иные, когда есть основания и для утверждения, и для отрицания его применимости. Ничто не может устранить этот дуализм “ядра определенности” и “полутени сомнений”, когда мы подводим отдельные случаи под общие правила. Это придает всем правилам пограничную зону неясности или “открытой текстуры”» [16. С. 127]. Мы видим, что когда Харт говорит о «полутени сомнений», об «открытой текстуре», о неясности и неопределенности значения правовых понятий, он как раз имеет в виду то, что эти обстоятельства суть их отменяемого характера.

Далее Бэйлз формулирует свой радикальный вывод: «Возражения отменяют квалификацию, а не применение понятий. Возражения препятствуют юридической действительности договора, в то время как юридически недействительный договор предполагает их существование» [14. С. 13]. Напротив, Харт говорит: «Ясно, что без указания на эти чрезвычайно разнородные возражения и способы, которыми они соответственно отменяют или ослабляют притязания договора, никакой адекватной характеристики договора как правового понятия дать нельзя. Отменяемость договора – это его сущностная характеристика, которая не может быть вынесена за скобки, и игнорировать это – значит неправильно его трактовать» [1. С. 122]. Важно подчеркнуть, считает Харт, что, хотя нормативные внутренние утверждения одинаково необходимы и безопасны для анализа правового мышления, из этого совсем не следует, что система права – это «закрытая логическая система» или что юридические утверждения прав и обязанностей или юридическая действительность выводимы из ясных определенных юридических правил. Конечно, здесь присутствуют, как и повсеместно в праве, и вопрос ядра определенности значения и полутени сомнений. Но до тех пор, пока в *очевидных* случаях признается основная функция юридической действительности в качестве разновидности внутренних утверждений, то мы не поймем их использование в более спорной области полутени [17. С. 230–240].

Хотя это лишь некоторые из множества критических аргументов против идеи отменяемости Харта, тем не менее анализ этих точек зрения показывает, что их авторы не разграничивают то, что мы назвали *онтологической* и *концептуальной* отменяемостью. Конечно, это различие не всегда удается четко обозначить и эксплицировать, если не допустить, что эти виды отменяемости имеют разные употребления. Одно дело, если мы ставим под сомнение некие факты поведения, которые в случае подтверждения сомнения

устраняют или отменяют само действие; другое дело, если мы предлагаем или находим лингвистические условия, отменяющие возможность использования данного понятия в заданном контексте. Представляется, что даже сам Харт не совсем в этом преуспел, поскольку смешивал (или считал ненужным разграничивать) эти два вида отменяемости. Видимо, это положение дел и вынудило его пересмотреть некоторые взгляды, представленные в *Приписывании ответственности и прав*, и отчасти из них отказаться. Но если все-таки допустить существование этого различия, мы можем увидеть, что неубедительность аргументов оппонентов – результат игнорирования ими того факта, что хартовская идея отменяемости может быть эксплицирована без существенных противоречий и отступлений лишь в юридическом языке в рамках строго определенного контекста.

Литература

1. Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 1949. Vol. 49. P. 171–194
2. Sugarman D. Hart Interviewed; H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman // Journal of Law and Society. 2005. Vol. 32, № 2. P. 267–293.
3. Hart H.L.A. Punishment and Responsibility. Essays in Philosophy of Law. Oxford Clarendon Press, 1968. 315 p.
4. Geach P.T. Ascriptivism // Philosophical Review. 1960. Vol. 69, № 2. P. 221–225;
5. Pitcher G. Hart on Action and Responsibility // Philosophical Review. 1960. Vol. 69, № 2. P. 226–235.
6. Yolton J.W. Act and Circumstance // The Journal of Philosophy. 1962. Vol. 59, № 13. P. 337–350.
7. Hall J. Analytic Philosophy and Jurisprudence // Ethics. 1966. Vol. 77, № 1. P. 14–28.
8. Defeasibility in Philosophy. Knowledge, Agency, Responsibility, and the Law. Claudia Bloser, Mikael Janvid, Hannes Ole Matthiessen and Marcus Willaschek (Eds.) Amsterdam/New York, NY, 2013. 257 p.
9. *The Logic of Legal Requirements: Essays on Defeasibility*. Jordi Ferrer Beltran, Giovanni Battista Ratti (Eds.). Oxford University Press, 2012. 504 p.
10. Оглезнев В.В., Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 216.
11. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права Г. Харта и правовой реализм // Правоведение. 2013. № 4. С. 134–147.
12. Cherry C. The Limits of Defeasibility // Analysis. 1974. Vol. 34, № 3. P. 101–107.
13. Hart H.L.A. Acts of Will and Responsibility // Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law. Oxford University Press, 1968. P. 90–112.
14. Bayles M.D. Hart's Legal Philosophy: An Examination. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1992. 316 p.
15. Hart H.L.A. Legal Responsibility and Excuses // Determinism and Freedom in the Age of Modern Science, Proceedings of the First Annual New York University Institute of Philosophy. New York: New York University Press, 1958. P. 81–104.
16. Харп Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та, 2007. С. 302.
17. Hart H.L.A. Scandinavian Realism // Cambridge Law Journal. 1959. Vol. 17. P. 233–240.

Ogleznev Vitaly Vasilyevich National Research Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

DEFEASIBILITY AND LEGAL LANGUAGE: H.L.A. HART IN DEFENSE

Keywords: defeasibility, legal language, analytical legal philosophy, legal constructions, H.L.A. Hart

The article analyzes an idea of defeasibility in a context of the legal language, which is represented in H.L.A. Hart's article "The Ascription of Responsibility and Rights". K. Cherry and M. Bayles's critical conceptions against defeasibility are considered. It is proved that the explication of

idea of defeasibility in H.L.A. Hart's interpretation is possible in legal language. Two types of defeasibility – an ontological and conceptual defeasibility are offered.

References

1. *Hart H.L.A.* The ascription of responsibility and rights. Proc. of the Aristotelian Society, 1949, vol. 49, pp. 171–194.
2. *Sugarman D.* Hart interviewed: H.L.A. Hart in conversation with David Sugarman. Journal of Law and Society, 2005, vol. 32, no. 2, pp. 267–293.
3. *Hart H.L.A.* Punishment and responsibility. Essays in philosophy of law. Oxford Clarendon Press, 1968. 315 p.
4. *Geach P.T.* Ascriptivism. Philosophical Review, 1960, vol. 69, no. 2, pp. 221–225.
5. *Pitcher G.* Hart on Action and Responsibility. Philosophical Review, 1960, vol. 69, no. 2, pp. 226–235.
6. *Yolton J.W.* Act and Circumstance. The Journal of Philosophy, 1962, vol. 59, no. 13, pp. 337–350.
7. *Hall J.* Analytic Philosophy and Jurisprudence. Ethics, 1966, vol. 77, no. 1, pp. 14–28.
8. *Bloser C., Janvid M., Matthiessen H.O., Willaschek M. (eds.)* Defeasibility in philosophy. Knowledge, agency, responsibility, and the law. Amsterdam/New York, NY, 2013. 257 p.
9. *Beltran F.J., Ratti G.B. (eds.)* The Logic of legal requirements. Essays on defeasibility. Oxford University Press, 2012. 504 p.
10. *Ogleznev V.V.* G.L.A. Hart i formirovanie analiticheskoy filosofii prava [G.L.A. Hart and the formation of analytic philosophy of law]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2012, p. 216.
11. *Ogleznev V.V., Surovcev V.A.* Analiticheskaya filosofiya prava G. Harta i pravovoj realizm [Analytic philosophy of law and legal realism of G. Hart]. Pravovedenie, 2013, no. 4, pp. 134–147.
12. *Cherry C.* The Limits of Defeasibility. Analysis, 1974, vol. 34, no. 3, pp. 101–107.
13. *Hart H.L.A., Gardner J.* Punishment and responsibility: Essays in the philosophy of law. Oxford University Press, 1968, pp. 90–112.
14. *Bayles M.D.* Hart's legal philosophy: an examination. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1992. 316 p.
15. *Hart H.L.A.* Legal Responsibility and Excuses. Determinism and Freedom in the Age of Modern Science, Proceedings of the First Annual New York University Institute of Philosophy. New York: New York University Press, 1958, pp. 81–104.
16. *Hart G.L.A.* Ponyatie prava [The concept of law]. Translated from English by E.V. Afonasin, S.V. Moiseev. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2007, p. 302.
17. *Hart H.L.A.* Scandinavian Realism. Cambridge Law Journal, 1959, vol. 17, pp. 233–240.